

В г. Хабаровске, на знаменитом Амурском утёсе стоит многострадальный памятник выдающемуся деятелю Российского государства — графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому. Почему «многострадальный»? Был он возведён в 1893 году, автор — знаменитый скульптор А. Опекушин, один из творцов памятника Екатерине Великой в Санкт-Петербурге. Но после Октябрьского переворота, когда сносились почти все памятники нашим самодержцам и их ближайшему окружению, вне зависимости от реальных заслуг таковых перед Отечественной историей, подобная же участь постигла и графа Муравьёва.

Его дружно окрестили «царским сатрапом» и «душителем прогресса», фигуру сняли и переплавили, а постамент почему-то оставили. Уж больно хорош казался он новым пролетарским властям. И, дабы тот не пустовал, на него мигом водрузили гипсовую фигурку (конечно же!) вождя мирового пролетариата. И никого не смущало, что карликовый В.И. Ленин был явно несоизмерен своему пьедесталу. А простоял он на нём почти шесть десятков лет!

Но с началом «перестройки» нашлись разумные головы, отважившиеся снять с массивного цоколя крохотную фигурку и поставить туда высоченную колонну и парусник. Что сие должно было означать? Ну, вероятно, подвиги безвестных русских землепроходцев. Простоял он, правда, недолго. На средства, собранные хабаровчанами, их стараниями была найдена модель памятника. Его отлили заново, и 31 мая 1992 года, в день рождения города, гордая фигура графа, неусыпными стараниями которого мы живём на этой земле, достойно увенчала пьедестал. А на оборотной его стороне был выбит длинный список имён тех, кто вместе с ним осуществлял эту грандиозную эпопею.

«М.И. Венюков» — одно из них. Это молодой поручик Михаил Иванович Венюков, сын мелкопоместного дворянина, участника войны 1812 года, дважды раненного при взятии Парижа, и вышедшего в отставку в чине майора. Родился Михаил в имении отца, селе Никитском Рязанской губернии 28 июня 1832 года. Начальное воспитание и образование получил в семье. Тринадцатилетним подростком он был принят во второй класс кадетского корпуса, где сразу приобщился к точным наукам и естествознанию. В 1850 году Михаил был выпущен из корпуса в звании артиллерийского прапорщика.

Служить ему пришлось на батарее, но юного офицера не оставляли мысли о занятии научными трудами, и он вернулся в свой кадетский корпус в качестве репетитора физики, а через год поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1856 году, уже в чине поручика. Положено начало блестящей карьере, но Михаил мечтает о путешествиях и открытиях, и судьба идёт ему навстречу.

В начале мая 1857 года, после изнурительной пятидесятичёрстной дороги — то в санях, то в телеге, то пешком, молодой поручик прибывает в г. Иркутск, в штаб войск генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва. Николай Николаевич, назначив

его старшим адъютантом, предлагает Венюкову отправиться в путешествие по Амуру. «Лучшего поощрения к работе нельзя было сделать, — записывает тот в свой дневник. — Мечта моя быть на Амуре, представляющем в то время крупный политический интерес, сбывалась». Это была четвёртая экспедиция, которую осуществлял деятельный генерал-губернатор. На Амур отправлялись 13-й и 14-й сибирские линейные полки и 450 переселенческих семейств, должных навсегда обосноваться на берегах великой реки.

В конце мая 1857 года по реке Шилке тронулся большой караван барж, плотов, лодок с людьми, и всё это называлось «Амурским сплавом». Ранним утром 7 июня Венюков впервые увидел Амур. И записал в дневнике: «Смотря на широкий поток, мирно струившийся прямо к востоку, многие из нас думали: там, где-то далеко, как от Москвы до Арарата, река эта вливается в море, и это море — Великий океан, единственный путь из России не в Швецию, не в Турцию, не в Персию, а в Америку, Австралию и Южную Азию!»

Но на этом пути уже стояли русские «остроги» или, по-тогдашнему, «караулы». Один, при впадении в Амур реки Зеи, назывался «Усть-Зейский военный пост». Теперь это город Благовещенск. Год назад сюда высадились сотня казаков и пережила трудную зимовку. Двадцать девять человек умерли от голода и болезней. Муравьев, вместе с ближайшими подчиненными и священником, решил посетить место их захоронения. (Оно существует и поныне.) Архимандрит Аввакум готовился отслужить панихиду.

Вот что записал в своём дневнике Венюков: «Мы собрались, с непокрытыми головами, в одной небольшой пади или лощине, где стояло несколько крестов, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здесь, на далёком Востоке Азии, все мы, живые и мёртвые, правые и левые, красные и зелёные — члены одной великой русской семьи, что когда-нибудь история вспомнит и о скромном кладбище под увалом левого берега Амура и о тех, кто в виду его готовились... кто знает? Может быть, тоже лечь в могилу в том же далёком от родины краю. Утешением могло быть одно, что край этот отныне можно было считать несомненно русским».

Удивительные слова! Написал их двадцатипятилетний поручик. А кажется, будто они прозвучали сегодня. Ёмкие, точные, сокровенные и патриотичные, звучащие прямо из сердца, безо всякой рисовки и выспренности. А если учесть, что Михаил был не только ближайшим помощником Муравьёва, а в лодке-душгубке вместе с казаком плывал от берега к берегу, производя промеры глубин, и рисковал жизнью — то эти слова обретают ещё более значимый смысл.

В лето 1857 года на Амуре и его притоках было заложено 15 станиц, с почти двумя тысячами жителей. Десятилетия спустя Венюков писал: «Я много работал потом на разных далёких окраинах России, в Небесных горах, на Кавказе, в Польше, но ничего подобного той общей преданности делу, как на Амуре, — говорю по совести, — не видал; и если эта преданность есть залог успеха дела, если вдохнуть её в сотрудников есть высшее достоинство вождя, то заслуга Н.Н. Муравьёва перед Россией неизмеримо велика. Многие ли были в состоянии сделать то, что совершил он, с личным составом помощников до смешного малым, но делавшим многое, во всю мощь нервов и мускулов?»

Это действительно так. И сам Михаил Иванович — живой тому пример. Возвратившись глубокой осенью в Петербург, он тщательно обработал материалы, сам вычертил карты, будучи великолепным топографом и картографом. А в ноя-

бре 1857 года, в тогдашней столице России, появился и сам генерал-губернатор. Встретившись со своим адъютантом, он предложил ему отправиться в экспедицию по реке Уссури, чтобы, минуя хребет Сихотэ-Алинь, попытаться найти выход к Японскому морю. Ну, как тут можно было отказаться?

И весной следующего, 1858 года, Венюков на перекладных приехал в Иркутск. Неугомонный Муравьев готовил очередной «сплав». Судя по всему, этот был грандиозней предыдущего. Предполагалось заложить по Амуру и Уссури более трёх десятков поселений. Заложили тридцать пять! Собрав воедино свою недюжинную энергию и настойчивость, ломая все преграды, чинимые важными сановниками, особенно министром иностранных дел, графом К.В. Нессельроде (британским «агентом влияния»), Николай Николаевич решился заключить мирный договор с Китаем, бывшим тогда под властью маньчжурского императора.

Договор был заключён, но в отсутствие Венюкова. Заложив военный пост Хабаровку, Михаил Иванович отправился по таинственной реке Уссури с небольшим отрядом казаков и проводником-гольдом. Но по пятам за ними следовали маньчжурские солдаты-соглядатаи. Они часто опережали отряд, заезжая по пути в крохотные селения, где жили голды (нанайцы), и запрещали им общаться с русскими. Однако те двигались всё выше и выше по таёжной реке и, наконец, добрались до озера Ханка.

Оказавшись на его берегах, Венюков провёл глазомерную съёмку и определил, что оно в пять раз больше Женевского озера. Но знаменитые лотосы ещё не расцвели — не пришло время. По берегам озера разместились около десяти гольдских деревушек. Михаил был первым из русских, кто видел всё это. Проводник-гольд, которого всё-таки запугали маньчжуры, отказался показывать дорогу, пришлось искать другого. И отряд пришлось сократить почти наполовину — не хватало на всех продовольствия. От озера Ханка поплыли к истокам Уссури, берущей своё начало в горах Сихотэ-Алиня. Конечной точкой маршрута была бухта Владимира, один из заливов Японского моря.

Нашли проводника-ороча, который знал туда дорогу. Маньчжурские шпионы, наконец-то, отстали. Уже два месяца, то в лодке, то пешком, зачастую под проливным дождём и порывами штормового ветра, двигалась к истокам таёжной реки небольшая команда. Гольдские и оронские деревушки встречались крайне редко, но зато появились китайские селения. Хотя по императорским указам китайцам вплоть до 1879 года запрещалось выходить за «Великую стену» и селиться на «священной» земле маньчжур. А это были преступники, по-тогдашнему «хунхузы». Однако к русским они относились вполне миролюбиво.

30 июля 1858 года, оставив уже ненужную лодку, Венюков с казаками подошёл к китайской деревушке. Хозяин одной из фанз предложил русским отобедать у него. Те согласились. Потом Михаил писал: «Из гостеприимства хозяин непременно требовал, чтобы мы употребляли для еды его припасы. Соль, быть может, и не имела ничего ядовитого, но заключала в себе какую-то непривычную для европейца примесь, потому что имела странный, сладковатый привкус». Но особого значения этому усталый путешественник не придавал. А на следующий день они отправились далее.

Но где-то к полудню Михаилу сделалось плохо. Он почувствовал шум в ушах и резь в желудке. Хорошо, что в запасе, на всякий непредвиденный случай, у него был рвотный порошок. Приняв его, он выпил несколько ковшей холодной воды. После обильной рвоты ему чуть полегчало, однако боль и резь не прекратились. Казаки пе-

репугались. Но постепенно Венюкову становилось лучше, и всё-таки, после почти бессонной ночи, идти дальше ему пришлось, опираясь на руки казаков.

А спустя сутки, когда он отдыхал, лёжа на траве, невдалеке послышался беспорядочный шум. На поляну, где расположился отряд, с дикими воплями выбежала толпа китайцев, числом больше втрое. Крича и размахивая палками, они что-то кричали проводнику орочону. Тот изменился в лице. Когда его спросили, чего хотят преследователи, он ответил, что китайцы грозят его убить за то, что он показывает «луса» (русским) дорогу. Пришлось вмешаться Венюкову и даже пригрозить китайцам оружием, если они не уберутся восвояси.

Они ушли, но ушёл и проводник. И маленькому отряду пришлось идти к морю уже без провожатого, благо желанная бухта была видна с вершин Сихотэ-Алиня. И двадцатипятилетний поручик был первым из русских, одолевшим переход через знаменитый хребет. Потом, четверть века спустя, его маршрутом прошёл Николай Пржевальский, затем, уже через полвека — Владимир Арсеньев. И оба они свято хранили благодарную память о бесстрашном первопроходце, который отважился проложить нелёгкий путь в неизведанные и непроходимые края.

Тщательно оформив все материалы и написав подробнейший отчет, молодой поручик отправил его в Императорское Русское географическое общество, где получил хвалебный отзыв самого Семёнова-Таньшанского. Его тут же приняли в члены общества. Потом он путешествовал по Кавказу, был в горах Тянь-Шаня, изучал Африку и Южную Америку. Даже, будучи сотрудником Генерального штаба, вёл разведывательную деятельность в Китае и Японии, представляясь там рядовым торговцем углем. Оставил блестящие заметки о своих нелёгких скитаниях и рискованной работе, полные редкой наблюдательности и своеобразного юмора. Его первый начальник и покровитель — граф Н.Н. Муравьев — как видим, умел подбирать себе талантливых и толковых помощников.